

Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и
средние века

Издательство Ростовского педагогического университета

***К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III-XIII веков из
Кубано-черноморского региона***

А.В. Пьянков (Краснодар)

Первые погребения в Северо-Восточном Причерноморье, совершенные по обряду трупосожжения, стали известны уже во второй половине XIX века, когда В.И. Сизов раскопал курганы с урновыми кремациями в районе Геленджикской бухты и на бывшем хуторе Кобзы у ст. Раевской (Сизов, 1889, с. 65-67, 100-102). В начале XX века В.В. Саханевым был открыт первый грунтовый могильник с трупосожжениями в каменных ящиках и грунтовых ямах (Саханев, 1914, с. 75-206). В советскую эпоху количество открытых могильников с кремационными погребениями значительно увеличилось. В сводке средневековых памятников адыгов-черкесов Северо-Западного Кавказа, составленной Е. П. Алексеевой в 1962 году, учтены все известные к тому времени погребения с кремациями (Алексеева, 1964, с. 195-214). Позднее, дважды публиковалась отдельная сводка средневековых трупосожжений (Алексеева, 1970, с. 318-321; 1971, с. 192-194). К концу XX века в Кубано-Черноморском регионе выявлено около сотни средневековых могильников с кремациями, большая часть которых не опубликована.

Относительно этнической атрибуции кремационного обряда у исследователей не сложилось единого мнения. Так В.В. Саханев отнес погребения из Борисовского могильника и более поздние подкурганские кремации к предкам адыгов (Саханев, 1914, с. 175, 206). В последствии, возобладало мнение, что, кремационный обряд занесен в регион извне, поскольку этот обряд не был знаком местному населению Кубано-Черноморского региона в раннем железном веке (Алексеева, 1970, с. 328, 329; Дмитриев, 1978, с. 48, 49; Дитлер, 1985, с. 134; Пьянков, 1990, с. 163, 164; Тарабанов, 1994, с. 58, 59).

Существуют два принципиально разных подхода к проблеме происхождения кремационного обряда. Часть исследователей разделяет кубано-черноморские кремации на две группы, не связанные между собой общим происхождением (Дмитриев, 1978, с. 48, 49; Пьянков, Тарабанов, 1998, с. 18-24). По гипотезе Е.П. Алексеевой кремационный обряд оставлен предками абазин (Алексеева, 1964, с. 169; 1970, с. 314-329; 1971, с. 196-198; 1980, с. 49). Некоторые исследователи без критики приняли идеи Е.П. Алексеевой (Шамба, 1965, с. 265; Ловпаче, 1997, с. 110, 111, 113, 114). Поскольку последняя гипотеза не получила в [127] научной литературе объективной оценки, обратимся к ее основным положениям (Алексеева, 1970, с. 299-335; 1980, таб. 1-3).

На территории Абхазии с X в. до н.э. до VI в. н.э. бытовал погребальный обряд кремации умерших на стороне, с последующим захоронением праха в урнах или без них в грунтовых ямах. Этот обряд аналогичен кремациям Северо-Западного Кавказа V-XIV вв. Предки абазин (Е.П. Алексеева связывает с абазинами цебельдинскую археологическую культуру) с V в. н.э. проникали небольшими группами в среду зихов Причерноморья, а с VII-VIII вв. и в Закубанье.

В качестве доказательства абазинского происхождения кубано-черноморских кремаций приведены следующие аргументы: во-первых, сходен сам погребальный обряд двух регионов; во-вторых, отдельные категории погребального инвентаря из цебельдинских некрополей находят аналогии в инвентаре кремационных погребений Северо-Западного Кавказа V-VII вв. (мечи и крестовидные фибулы, умбоны для щитов), в погребениях VIII-IX вв. (наконечники копий), в

погребениях X-XIV вв. (умбоны от щитов, керамические урны, ножницы, вилки для извлечения мяса из котлов) (Алексеева, 1970, с. 325, 326; 1980, с. 51, таб. 1-3).

Приведенные Е.П. Алексеевой параллели в инвентаре - следствие невнимательности, ошибок или не корректного подхода к археологическим материалам.

Мечи и крестовидные фибулы могли попасть в Кубано-Черноморский регион не только вместе с переселенцами, но и как предметы торговли. Борисовский наконечник копья не имеет аналогий в цебельдинских могильниках. Это узколезвийная пика с ромбическим сечением пера, которая ритуально испорчена, втулка сплющена, перо искривлено и на фотографии дано с боку. Сопоставление других цебельдинских вещей с предметами из могильников X-XIV вв. является не корректным, поскольку их разделяют 3-7 столетий.

В могильниках III-VII вв. Кубано-Черноморского региона известно чуть больше 20 кремационных погребений, в которых решительно преобладают безурновые кремации (95%). А в цебельдинских могильниках кремации в урнах составляют около 18% от всех погребений. Безурновая кремация там встречена лишь однажды (Трапш, 1971, с. 123). Кремирование умерших у цебельдинцев прекращается в конце VI или в начале VII вв. (Трапш, 1971, с. 124; Воронов, 1975, с. 106). Таким образом, массовое распространение кремаций во второй половине VIII - XIII вв. не связано с цебельдинской археологической культурой.

Вопреки мнению Е.П. Алексеевой, кремации Кубано-Черноморского региона оставлены разными племенами. Кремационный обряд [128] второй половины VIII - XIII веков резко отличается от предшествующего. Ему присущи такие детали, как сожжение инвентаря вместе с покойниками, обязательная ритуальная порча части вещей, помещение инвентаря в тайнички в отдельных ямках, устройство небольших и неглубоких могильных ям, присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня. Заметим, что кремации составляют в могильниках второй половины VIII-IX вв. Кубано-Черноморья от 50 до 100% погребений.

Кремации второй половины III-VII вв. представляют собой ограниченную инфильтрацию отдельных семей и групп в местную среду из какого-то сопредельного региона (Пьянков, 1998, с. 103-105). Нельзя полностью исключить их цебельдинское происхождение, как и предполагала Е.П. Алексеева. Кремации второй половины VIII века по материальному облику принадлежат к салтовомаяцкой археологической культуре, и находят аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (тип Новопокровки) (Пьянков, Тарабанов, 1998, с. 18-32). Носители кремаций этого типа, как на Кубани, так и на Северском Донце имеют тюркское или угорское происхождение (Дмитриев, 1978, с. 49; Тарабанов, 1994, с. 58, 59). Имеются серьезные основания отождествлять этот народ с касогами/касахами/кашаками письменных источников (Пьянков, 2001, с. 117-120).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.П., 1964. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV. Ставрополь.

2. Алексеева Е.П., 1970. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Ставрополь.

3. Алексеева К.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.

4. Алексеева Е.П., 1980. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы

этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск.

5. [Воронов Ю.Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.](#)
6. *Дитлер П.А., 1985. Могильник Колосовка № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.*
7. *Дмитриев А.В., 1978. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII-IX века в районе Новороссийска - Геленджика. // VIII "Крупновские чтения". Нальчик. [129]*
8. *Ловпаче Н.Г., 1997. Этническая история Западной Черкессии. Майкоп.*
9. *Пьянков А.В., 1990. Новый средневековый могильник у аула Казазово. // Древние памятники Кубани. Краснодар*
10. *Пьянков А.В., 1998. Новые материалы из могильника Бжид I и проблема появления ранних кремаций на Кубани и Черноморье. // XX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Железноводск*
11. *Пьянков А.В., 2001. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V "Минаевские чтения" по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь, 2001.*
12. *Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство. // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар.*
13. *Саханев В.В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 г.г. // ИАК, вып. 56. С-Пб.*
14. *Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. // МАК. М., II.*
15. *Тарабанов А.В., 1994. Кремационные погребения VIII-X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность. // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.*
16. *Трани М.М., 1971. Культура цебельдинских некрополей. Труды в четырех томах. Том 3. Тбилиси.*
17. *Шамба Г.К., 1965. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. СА № 2.*

Пьянков А.В. (Краснодар).

Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа

Первый раз касоги упомянуты в летописи под 965 годом, в связи с походом князя Святослава Игоревича на хазар (ПСЛ). Под 1022 годом летопись сообщает, что, тмутороканский князь Мстислав Владимирович победил в единоборстве касожского князя Редедю и подчинил себе этот народ. В ледующем, 1023 году касоги упомянуты в войске Мстислава, выступившего против старшего брата князя Ярослава Владимировича (Там же). А под 1066 годом помещено известие о сборе дани с касогов князем Ростиславом (Там же). Касоги русских летописей предстают достаточно сплоченным и воинственным народом, но,

вероятно, не многочисленным. Они подчиняются одному князю и проживают недалеко от Таманского полуострова. Дополнительные сведения об этом народе можно найти в иноязычных сочинениях.

Первое упоминание о касогах принадлежит перу арабо-персидского автора Масуди, который в своем историко-географическом труде Мурудж-ад-Дзахаб («Россыпи золота») отметил: «За царством аланов находится народ называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским морем». (Минорский В.Ф., 1963). Кашаки по Масуди прекрасны [117] наружностью, имеют развитые ремесла и торговлю, но у них нет единства, а от набегов алан их спасают крепости на морском берегу. Автор называет их прибрежной нацией и отмечает их многочисленность (Там же). Масуди использовал более ранние источники и сам указал в тексте, что его труд завершен в 943 г. (Там же).

Автор трактата «Об управлении империей» византийский император Константин знает страну Касахию на Северо-Западном Кавказе, и помещает ее между Зихией и Аланией (Константин Багрянородный, 1989). Багрянородному известно о набегам алан, но страдают от них, по его сведениям, зихи, а касахов он никак не характеризует (Там же). Труд императора составлен около 950 г., но опирается на сведения более раннего времени, вероятно 30-х годов X века (Гадло А.В., 1994).

В письме хазарского царя Иосифа к кордовскому вельможе Хасдаю ибн-Шафруту, где сообщаются сведения о Хазарии, среди перечня народов платящих дань хазарам упоминаются «...все живущие в стране Каса...» (Коковцев П.К., 1932). Судя по контексту, страна эта помещается рядом с аланами и Абхазией, то есть на Северо-Западном Кавказе. Основное ядро письма относится к 60-м годам X века (Там же).

Анонимный автор конца X века, среди прочего, пишет о богатом купеческом городе Касек, расположенном на берегу Черного моря в стране алан (Худуд ал-Алем. 1930).

В научной литературе встречаются ссылки на более раннее упоминание касогов в армянских, византийских и грузинских сочинениях, но эти сведения не выдерживают критики. Например, косогдиане монаха Епифания писавшего в конце VIII — начале IX веков появились в результате ошибки переписчика, о чем есть информация у исследователя этого текста (Васильевский В.Г. 1909).

В науке сложилось прочное мнение, что касоги/касахи/кашаки, упоминаемые в письменных источниках X века и позднее, вместе с родственными им зихами, являлись предками современных адыгов (См. Лавров Л.И., 1955; Волкова Н.Г., 1973; Алексеева Е.П., 1992; Гадло А.В., 1994). Эти выводы сделаны преимущественно на ономастическом материале. До настоящего времени осетины называют кабардинцев — кесег/кесгон; близко ему сванское название адыгов и т.д. (Волкова Н.Г., 1973). Только у самих адыгов не сохранилось подобного самоназвания. Возможно, отголосок забытого этнонима сохранила одна родословная книга, использованная для написания «Истории адыгейского народа», в которой сообщается о прадеде знаменитого князя Инала, носившего имя Кес (Ногмов Ш.Б. 1982).

Попытки локализовать Касахию предпринимали многие исследователи. Как правило, они опирались на сведения Масуди и Константина Багрянородного, как наиболее информативные и достоверные. По Е.П. Алексеевой Касахия охватывала северные склоны кавказского хребта от бассейна Малой Лабы до предгорий Западного Закубанья [118] (Алексеева Е.П., 1954). По Л.И. Лаврову касоги занимали все пространство от реки Лабы до берегов Черного моря (Лавров Л.И., 1955). Иначе определил границы Касахии Н.Г. Ловпаче, локализовав касогов в верховьях Лабы и Белой (Ловпаче Н.Г., 1978).

Наибольший интерес представляет работа В.Н. Каминского, который посвятил этнической карте Северо-западного Кавказа отдельную статью (Каминский В.Н., 1993). Его работа основана на детальном анализе письменных источников, данных географии и топонимики. По В.Н. Каминскому зихи занимали Черноморское побережье от п. Новомихайловского до старого русла Кубани; область Папагия с нефтяными источниками соответствует территории современного Крымского района; Касахия занимала территорию к востоку от Папагии вплоть до реки Псекупс, а восточнее простиралась Алания (Каминский В.Н., 1993). Таким образом исследователь локализовал касогов в Западном Закубанье и в примыкающих к нему с востока районах Центрального Закубанья. Проверим как эта, наиболее аргументированная локализация касогов согласуется с археологическими памятниками региона.

Но сначала вернемся к письменным источникам. Масуди среди прочего сообщает, кашаки исповедывают религию магов (Минорский В.Ф., 1963). В.Ф. Минорский, комментируя эту фразу, писал, что мусульманские авторы называли огнепоклонниками русов и норманов, неправильно истолковывая их обычаи сжигать мертвых. И далее замечает: «Я не мог выяснить, существовали ли подобные обычаи у черкесов, среди которых ко времени Масуди были и христиане» (Минорский В.Ф., 1963).

Сегодня мы можем ответить на вопрос, поставленный В.Ф. Минорским, положительно. На анапско-геленджикском побережье, в Западном Закубанье и в западных районах Центрального Закубанья вплоть до устья реки Псекупс выявлено более 17 могильников второй половины VIII — IX веков, где сожженных на стороне умерших хоронили в небольших ямах в урнах или без них (Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998). Эти могильники занимают компактную территорию: северной границей служила река Кубань, южной — северные склоны Кавказского хребта, западной — берег Черного моря, а восточной — река Псекупс. Погребения этого обряда получили в научной литературе название: сожжения (или кремации) типа Дюрсо (Дмитриев А.В., 1979). Вероятно, именно эти могильники были оставлены касогами/касахами/кашаками письменных источников.

На первый взгляд заметно противоречие ареала кремационных могильников типа Дюрсо с локализацией касогов предложенной В.Н. Каминским, поскольку западные границы его Касахии не соответствуют западной границе распространения кремационных могильников. Но это противоречие устраняется, если предположить, что в первой половине X века территория касогов сократилась на западе из-за [119] передвижений зихских племен из более южных районов на север, вплоть до старого русла Кубани, где-то в конце IX — в начале X веков, после чего они заняли не только морское побережье, но и отстоящую далеко от берега Папагию. Это предположение вполне согласуется с сообщением Константина Багрянородного о расселении зихов и касогов. Последние должны были первыми испытать на себе силу аланских набегов, которые привели к ослаблению касогов и к сокращению их численности (Пьянков А.В., 1994). Могильников с кремационными погребениями X века известно немного (Бугайский бугор, Казазово 2, Псекупский и др), но к концу века сожжения начинают распространяться за пределы Касахии Багрянородного на запад, восток и даже на северный берег реки Кубань.

Сожжения типа Дюрсо по материальному облику принадлежат к салтово-маяцкой археологической культуре (культуре Хазарского каганата), и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки) (Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998). Кремации типа Дюрсо не имеют корней да Северо-Западном Кавказе в предшествующий период и не могут быть признаны автохтонным кавказским народом (Дмитриев А.В., 1978). Очевидно, носители кремаций этого типа, как на Кубани так и на Северском Донце связаны со степными культурами и имеют тюркское или угорское происхождение. Вероятно, обе группы были частью одного этноса и носили общее для них имя — касоги/касахи/кашаки. В дальнейшем автохтоны зихи интегрируются с пришельцами касогами и постепенно ассимилируют их.

Эта гипотеза позволяет по-новому взглянуть на этнические процессы происходившие на Северо-Западном Кавказе в прошлом. В частности, следует поставить на повестку дня вопрос о значительном участии степных народов Хазарии в этногенезе современных адыгов.